

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

М. И. Воробьева-Десятовская

**Великие открытия
русских ученых
в Центральной Азии**

Санкт-Петербург
2011

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

рецензенты:

доктор философских наук, профессор В. И. Рудой

доктор социологических наук, профессор Е. А. Островская

В75 Воробьева-Десятковская М. И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: Издательство А. Голода. 2011. — 248 с.

Монография М. И. Воробьевой-Десятковской посвящена истории изучения Центральной Азии — о постепенном заполнении белых пятен на географической карте этого региона, открытии забытых культур, процветавших здесь в I тыс. н. э., а также о геополитическом соперничестве России и Великобритании — двух империй, боровшихся друг с другом за влияние на судьбы центральноазиатских стран.

Особое внимание уделено экспедициям отечественных исследователей Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, которые внесли поистине величайший вклад в изучение Центральной Азии и навсегда закрепили приоритеты российской науки в этой области познания.

В Приложении к настоящей книге публикуются раритетные материалы, иллюстрирующие деятельность исследователей Центральноазиатского региона.

© Институт восточных рукописей РАН, 2011

© Воробьева-Десятковская М. И., 2011

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Русские ученые на тропах Центральной Азии	9
Глава 2. Этнокультурная история Центральной Азии	25
2.1. Первые поселенцы на территории Восточного Туркестана	25
2.2. Великий Шелковый Путь межэтнических коммуникаций	26
2.3. Базар как центр культурных контактов	29
2.4. Встреча Запада и Востока: историко-культурные следствия похода на край ойкумены	32
2.5. Наследники греков и пришельцы с Востока. Кушанское государство	33
2.6. Серы и фуруны	34
2.7. Гунны, «натягивающие лук»	35
2.8. Культурное единство Восточного Туркестана: буддизм	38
2.9. Тюрки пришли!	39
2.10. Тибетцы в Восточном Туркестане	41
2.11. И снова тюрки: государство Кочо	43
2.12. Под власть Моголистана	44
2.13. Китайский Туркестан	45
Глава 3. Восточный Туркестан в Большой геополитической игре	47
3.1. Экономическая и культурная деградация Восточного Туркестана во второй половине XIX в.	47

3.2. Восточный Туркестан в орбите интересов европейских держав	48
3.3. Восток как исторический шанс России	50
3.4. Британия обращает свой взор к Тибету	51
3.5. Торговые интересы Великобритании и России в Восточном Туркестане и Индии	54
3.6. Россия продвигается к границам Индии	55
3.7. Государство Якуб-бека: еще одна кровавая страница в истории Восточного Туркестана	57
3.8. П.И. Пашино — «русский шпион»	60
3.9. Тибетский вопрос	61
3.10. Китай и Тибет ставят заслон перед европейцами	64
3.11. Тюрки «уважают европейскую администрацию» ..	66
3.12. Памирский пост	67
3.13. Памирское размежевание	69
3.14. Результаты Памирского разграничения	72
Глава 4.	
Экспедиции Н. М. Пржевальского	77
4.1. Ученик, офицер, ученый	77
4.2. В Уссурийском крае	79
4.3. Центральная Азия зовет	81
4.4. Монгольская экспедиция	83
4.5. От Тянь-Шаня до Гималаев	89
4.6. Тибет был так близко!	93
4.7. На пути в Лхасу	96
4.8. Нельзя идти вперед, «наперекор фанатизму целого народа»	102
4.9. Опять Тибет!	104
4.10. «Он скучал по пустыням Азии и чистосердечно ненавидел цивилизацию»	106

Глава 5.	
Экспедиции В. И. Роборовского	111
5.1. Без Учителя	111
5.2. Подготовка к экспедиции	112
5.3. Торгоуты	113
5.4. Тянь-Шань	117
5.5. Люкчунская котловина и «Долина бесов»	118
5.6. Пустыня Хами	123
5.7. Пещеры тысячи будд	127
5.8. Наньшань	129

Глава 6.	
Экспедиции П. К. Козлова	135
6.1. Первые шаги	136
6.2. Первая самостоятельная экспедиция	139
6.3. Даль зовет: Монголо-Сычуаньская экспедиция П. К. Козлова	144
6.4. «Новые впечатления не могут остудить сердца, отданные Хара-Хото»	155
6.5. Озеро Кукунор	157
6.6. Снова Хара-Хото	159
6.7. После Хара-Хото	165

ПРИЛОЖЕНИЕ .....

С. Ф. Ольденбург

Сорокалетие со дня смерти Н. М. Пржевальского ... 169

П. К. Козлов

Личные воспоминания о Н. М. Пржевальском .....

П. К. Козлов

Страничка из воспоминаний путешественника .....

П. К. Козлов «Тибет и Далай-лама»	191
Свен Хедин Караван смерти	201
Свен Людвигович Хедин (Редакционная статья из газеты «Туркестанские ведомости», 1893, № 24)	211
Письмо российского Генерального Консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского барону В. Р. Розену от 6 января 1892 г.	213
Н. Ф. Петровский К вопросу о соперничестве русских и английских мануфактурных товаров на рынках Средней Азии.	219
Н. Бронский Англия, Россия и Китай в Восточном Туркестане	221
М. Блок Апология истории, или ремесло историка	233
Карта экспедиций в Центральную Азию после 1856 года	235
Фотографии	237

Предисловие

Центральная Азия — обширный регион, начинающийся в России от Уральских гор и простирающийся в пределы Китая. Девственные леса, неприступные горные массивы, озера, реки, пустыни.

В течение тысячелетий вплоть до второй половины XIX в. земли Центральной Азии не были известны науке ни в России, ни в Западной Европе. И хотя русские государи стремились развивать политические отношения с Китаем и Монголией уже с XVI в., огромное пространство между Россией и этими странами оставалось неизученным: не имелось ни географических, ни тем более топографических карт, отсутствовали сведения о путях сообщения, горных перевалах, переправах через могучие реки.

В этой книге мы расскажем об истории изучения Центральной Азии — о заполнении белых пятен на географической карте этого региона, открытии забытых культур, процветавших здесь в I тыс. н. э., а также о геополитическом соперничестве России и Великобритании — двух империй, боровшихся друг с другом за влияние на судьбы центральноазиатских стран.

Особое внимание мы уделим рассказу об экспедициях отечественных исследователей Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, которые внесли поистине величайший вклад в изучение Центральной Азии и навсегда закрепили приоритеты российской науки в этой области познания.

В Приложении к настоящей книге мы публикуем раритетные материалы, иллюстрирующие деятельность исследователей Центральноазиатского региона.

Подготовка к публикации материалов Н. Ф. Петровского из АВ ИВР РАН осуществлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 10-01-00252а.

Глава 1. Русские ученые на тропах Центральной Азии

Вопрос о том, что следует понимать под географическим термином «Центральная Азия», отнюдь не тривиален — ведь наряду с ним имеется и другой — «Средняя Азия», который в современной англоязычной научной литературе используется крайне редко.

Среднюю Азию русские и западноевропейские ученые в XVIII и в начале XIX в. называли Большой Бухарией, а земли к востоку от нее — Малой Бухарией. Название «Туркестан», позднее принятое в науке и геополитике для обеих Бухарий, следует считать условным, поскольку оно никогда не употреблялось местными жителями. В 1829 г. русский исследователь Н. Я. Бичурин предложил внести ясность в этот слишком рыхлый географический термин: земли Средней Азии стали именоваться в науке Западным Туркестаном, а земли к востоку от него — Восточным Туркестаном.

Исторические судьбы территорий, расположенных вблизи Восточного Туркестана, позволяют нам расширить это понятие, подобно тому, как в истории культуры Востока возникло понятие «Greater India», под которое были подведены все области исторического распространения индийской культуры.

Какие же территории включает в себя историко-культурный регион Центральная Азия? Его границы охватывают огромное пространство — Восточный Туркестан, Западную Монголию (Джунгарию), Тибет, Северо-Западный Китай. Историко-культурное единство связало эти земли, но их цивилизационная целостность стала известна науке лишь благодаря экспедиционной работе русских ученых, начатой на излете XIX в.

Русские путешественники, географы, историки, археологи, ботаники и зоологи, востоковеды-археологи, лингвисты-палеографы прошли по землям Центральной Азии, открывая одну область за

другой. Географическая карта региона и научно реконструированная история культуры народов, населявших его в I тыс. н. э., — таковым стал итог тяжкого и полного опасностей труда отечественных исследователей.

Делу исследования этих территорий русские ученые отдавали себя без остатка. Центральная Азия, словно неведомая сила, притягивала их, забирала годы жизни и здоровье, но взамен одаривала этих подвижников науки открытиями, обессмертившими их имена.

О каждом из русских ученых, пополнивших сокровищницу географических и историко-культурных открытий в Центральной Азии, можно написать и серьезное исследование, и захватывающий роман — настолько плодотворным и насыщенным приключениями был их путь первооткрывателей.

Географическое положение Российской империи давало отечественным ученым неоспоримое преимущество в исследовании Центральной Азии. Из западноевропейских коллег лишь англичане обладали сходными возможностями — они могли использовать колониальную Индию как плацдарм для экспедиций в Центральную Азию.

С середины XVIII по середину XIX в. Россию более всего интересовала Западная Монголия (Джунгария), и не только потому, что это была ближайшая и более всего известная территория, с которой приходилось поддерживать торговые связи. На то имелись и геополитические причины. Во второй половине XVII в. Китай благодаря возвышению династии Цин значительно увеличил свои экспансионистские амбиции. Цинская империя активно проявила намерения захватить Западную Монголию и тем самым приблизиться к границам России.

Чтобы урегулировать отношения с Китаем, Россия в 1725 г. послала в Пекин известного дипломата С. Л. Рагузинского. В его задачи входило обследование русско-монгольской границы и переговоры о возможности развития торговых связей России с Монголией. В последнем аспекте посольство Рагузинского не дало желаемых результатов. В 1758—1759 гг. династия Цин осуществила захват Джунгарии. Тем не менее Россия не отказалась от намеченных планов и с пограничной полосы продолжала вести разведку в данном районе Центральной Азии.

В конце XVIII в. у Российской империи появился новый геополитический конкурент, претендовавший на Джунгарию, — Великобритания. Между двумя империями развернулась так называемая Большая Игра — соперничество, принявшее характер комплексной и весьма продолжительной борьбы за влияние в Центральноазиатском регионе. Россия пыталась через Джунгарию оказывать давление на Китай и одновременно отслеживала британскую политическую и военную активность.

Китай в середине XIX в. после Опиумной войны с Британской империей и Тайпинского восстания ослабил свои попытки захватить Синьцзян и Западную Монголию. Однако Российская империя вовсе не собиралась оставаться в роли безучастной наблюдательницы этих событий и в 1860 г. воспользовалась шансом аннексировать Амурскую и Уссурийскую области.

Русская геополитическая активность развивалась и в Средней Азии — генералы Черняев и фон Кауфман присоединили к России территории Кокандского и Хивинского ханств, стремительно продвинув границы Отечества на Восток.

Для России эпоха изучения Центральной Азии началась в середине XIX в. В 1845 г. в Санкт-Петербурге было основано Императорское Русское Географическое общество (ИРГО, или РГО) под Высочайшим покровительством и под председательством одного из великих князей. Первым вице-председателем РГО стал контр-адмирал Федор Петрович Литке. В состав его членов вошли не только ученые, но и значительное число военных, что свидетельствовало о совпадении исследовательских и геополитических целей деятельности этой организации.

Составленные в 1848 г. немецкими учеными К. Риттером и А. Гумбольдтом географические карты Центральной Азии основывались на китайских прототипах и нуждались в проверке и серьезных уточнениях. Поэтому ИРГО ставило перед русскими экспедициями задачи картографирования, фиксации путей сообщения, описания водных артерий, гор и горных перевалов, особенностей климата. Наряду с этим в планы ИРГО ставились вопросы описания народонаселения и его этнографических характеристик, учета археологических памятников.

Член ИРГО, выдающийся отечественный ученый-географ Петр Петрович Семенов стал первым европейцем, покорившим горные вершины Тянь-Шаня в 1856–1857 гг. В ходе своей экспедиции он описал геологию обследованной им части Центральной Азии. Позднее, в 1873–1914 гг., когда он являлся вице-президентом ИРГО, экспедиционные обследования Восточного Туркестана, Тибета, Монголии и северо-западных территорий Китая сделались приоритетными для отечественной науки. В 1906 г. деятельность П. П. Семенова была особо отмечена Императором: фамилия ученого была добавлена наследственный прославляющий эпитет — Тянь-Шанский.

В 1858–1859 гг. исследование и картографирование горных массивов Центральной Азии продолжил Б. Л. Громбчевский, направленный в Кашгар.

В те же два года отечественный ученый казахского происхождения Ч. Ч. Валиханов совершил первое путешествие в Кашгар с историко-культурными целями. Он изучал дислокацию археологических памятников и собирал древние манускрипты. Ч. Ч. Валиханов первым обратил внимание на реликты буддийской культуры, сохранившиеся на территории Восточного Туркестана, — руины буддийских пещерных монастырских комплексов, и сделал соответствующие пометки на топографической карте своего маршрута.

Анализ статистических материалов по Центральной Азии проводился Военно-ученым комитетом, учрежденным по инициативе Н. Н. Обручева (1830–1904). Эта организация публиковала результаты своей работы в собственном периодическом издании — «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии». Каждый, кто по долгу службы или роду занятий был связан с Центральной Азией, пользовался данным изданием.

В 1878–1879 гг. в регионе действовала экспедиция ботаника А. Э. Регеля, направленная в Кульджу и Турфан. Она доставила в Санкт-Петербург уникальную по представительности коллекцию редких растений. Наиболее ценная часть материалов этой коллекции была собрана лично Регелем.

В 1889 г. Г. Е. Грум-Гржимайло (1860–1936) обследовал северные районы Восточного Туркестана.

Поистине великим русским исследователем этого региона стал Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), совершивший четыре грандиозные экспедиции. Ему, ученому и путешественнику, мы посвятим в этой книге отдельный раздел. Здесь же необходимо сказать, что Пржевальский ушел из жизни в начале своей последней экспедиции, погибнув в 49-летнем возрасте от брюшного тифа. Поскольку его отряд, полностью экипированный, уже выступил в поход, ИРГО решило не прерывать экспедицию и послать для руководства ею М. И. Певцова (1843–1902). Карты из китайского атласа 1863 г. для него скопировал Э. В. Бретшнейдер, и экспедиция получила тем самым приблизительный план продвижения по Восточному Туркестану, Чжунгарии и Северо-Западному Тибету.

Путешествие М. И. Певцова успешно завершилось, и ученый написал о нем книгу «Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии (1889–1890)». Хотя отряд прошел по маршруту, намеченному Пржевальским, главную мечту великого путешественника — посещение Лхасы экспедиция Певцова не осуществила.

В этой экспедиции приняли деятельное участие ученики Пржевальского — В. И. Роборовский и П. К. Козлов, впоследствии прославившие отечественную науку и свои имена. В 1893–1895 гг. В. И. Роборовский обследовал Турфан. А экспедиция П. К. Козлова в Хара-Хото в 1909–1910 гг. явилась едва ли не одной из самых важных вех в истории изучения культуры Центральной Азии.

Представительные коллекции центральноазиатской флоры и фауны, обогатившие музеи Санкт-Петербурга, привез Михаил Михайлович Березовский (1848–1919), окончивший биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского университета как зоолог. Начиная с 1876 г., Березовский неоднократно принимал участие в экспедициях Григория Николаевича Потанина (1835–1920) в Монголию, Северо-Западный Китай, в Восточный Туркестан и северо-западные районы Тибета. В общей сложности 14 экспедиций прошли с его участием. Сначала он вел исследования как зоолог и ботаник, а с 1902 по 1908 гг. руководил экспедициями в Китай и Центральную Азию, работая в их составе как географ и

этнограф. Во время одной из них он вел исследования в Шанхайской обсерватории.

Навыки экспедиционной работы Березовский приобрел в путешествиях, возглавлявшихся Г. Н. Потаниным. Самым трудным в подготовке к экспедиции был вопрос субсидирования. Из писем Потанина Березовскому, которые хранятся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН¹, видно, как напряженно велись поиски финансовых средств. Определенную их часть предоставляло РГО, но ее не хватало, чтобы снарядить экспедицию. Некоторую субсидию давала Академия наук. Остальное могли представить добровольные спонсоры. Поскольку Потанин поддерживал движение «сибирского областничества» и много времени проводил в Иркутске, Бийске, Барнауле, Красноярске и других городах Восточной Сибири, он пользовался большим авторитетом в среде местного купечества. Многие из весьма состоятельных купцов снабжали его необходимыми средствами.

Первая небольшая экспедиция М. М. Березовского с целью проведения археологической разведки была направлена в 1905 г. в Кучу Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Вместе с ним поехал его родственник — художник и архитектор Матвей Михайлович Березовский.

Одновременно с отрядом М. М. Березовского в Куче работала французская экспедиция Поля Пеллио. Французский исследователь нашел там санскритские рукописи, в которых упоминались шесть имен правителей Кучи². Г. Ж. Пино датировал их правление периодом 624—646 гг. на основе тех тохарских письменных памятников, в которых встречаются эти же имена. Датировкой находок занимались также и другие ученые. Все сошлись на том, что обнаруженные в процессе раскопок рукописи и граффити относятся к VII в. н. э. Соответственно этому следует датировать VII в. н. э. и находки Березовского — часть рукописей, живописные альбомы, выполнен-

ные акварелью, фрагменты тканей и деревянной эпиграфики, надписи на штукатурке, добытые в тех же местах Кучанского оазиса, где проводил изыскания П. Пеллио.

Березовский привез в Азиатский Музей Академии наук более 200 фрагментов тохарских рукописей (кучанских, написанных на торахском Б языке) и около 100 старойгурских рукописей. Большинство из них были зафиксированы на оборотах китайских буддийских свитков.

Учителю Березовского — Г. Н. Потанину удалось добиться больших достижений в исследовании Монголии. В 1876—1877 и в 1879—1880 гг. были совершены экспедиции в Северо-Западную Монголию и Туву, в 1884—1886 и в 1892—1893 гг. Потанин обследовал Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию.

Самым научно перспективным историко-культурным открытием конца XIX — начала XX вв. явилось обнаружение следов индоевропейской цивилизации I тыс. н. э. на территории Восточного Туркестана. Этим наука обязана в первую очередь российскому Генеральному консулу в Кашгаре, ученому и дипломату Николаю Федоровичу Петровскому (1837—1908). Именно он подал в Императорскую Российскую Академию наук докладную записку о необходимости обследования восточнотуркестанских древностей. Его имя навсегда останется в истории науки рядом с именем академика С. Ф. Ольденбурга, неперемного секретаря Академии наук, ученого-индианиста, палеографа и археолога. С. Ф. Ольденбург сразу же понял приоритетную значимость научной инициативы Петровского. И именно этот классик отечественного востоковедения превратил исследование древних памятников Восточного Туркестана в международное научное предприятие и лично возглавил экспедиции русских исследователей в Восточный Туркестан и Дуньхуан.

В организации экспедиций в Восточный Туркестан продолжало играть важную роль РГО. По плану, составленному Ольденбургом, в 1898 г. северные оазисы Восточного Туркестана обследовала экспедиция Д. А. Клеменца (1848—1914). В результате интенсивной изыскательской работы Клеменц доставил в Санкт-Петербург большую коллекцию памятников искусства и предметов материальной

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 2, ед. хр. 47 (всего 50 писем за 1876—1892 гг.).

² Рукописи были дешифрованы Людерсом: См.: Н. Lüders H. Weiterebeiträge zur Geschichte und Geographie von Ostturkistan // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil. Hist. Klasse. — Berlin: 1930. — S. 22—23.

культуры, которые ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого.

Привез Клеменц и несколько древних рукописей — уйгурских и санскритских, которые обогатили коллекцию Азиатского музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН). С его экспедиции и началась эра собственно археологических изысканий в Восточном Туркестане. Д. А. Клеменц проводил планомерные раскопки, чего не делали до него ни русские, ни западноевропейские исследователи региона. Однако, несмотря на новаторство и результативность своей экспедиции, сам ученый скромно именовал ее «рекогносцировкой».

На основе данных, полученных этой экспедицией, в январе 1900 г. Д. А. Клеменц и двое других русских ученых — Н. И. Веселовский и С. Ф. Ольденбург подали Записку в Восточное Отделение Русского Археологического Общества (РАО). В ней было представлено обоснование необходимости новых исследований в Восточном Туркестане. К тому времени ученые располагали топографическими картами, составленными Н. Ф. Петровским. На них были обозначены местности, заслуживающие серьезного археологического обследования, указаны дороги, ведущие к местам дислокации памятников, и расстояния в днях пути. Эти уникальные документы увидели свет только в 2008 г. благодаря усилиям И. Ф. Поповой³, директора Института восточных рукописей РАН, где и хранятся их оригиналы.

Д. А. Клеменц, Н. И. Веселовский и С. Ф. Ольденбург предлагали проект организации двух экспедиций, во время которых планировалось произвести, во-первых, изучение памятников художественной культуры, сохранившихся в развалинах, во-вторых, археологические раскопки, а также приобрести у местных самодеятельных поисковиков любые артефакты, способные дать представление о раннесредневековой культуре оазисов Восточного Туркестана.

После обсуждения на заседании Восточного Отделения РАО Записка была направлена в Министерство финансов. Однако ответ был получен отрицательный: «Г-н Министр финансов не нашел воз-

³ См.: Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. — СПб.: 2008. — С. 26–27.

можным ассигновать ныне суммы, просимые Императорским Русским Археологическим Обществом на Турфанскую экспедицию»⁴.

В числе русских экспедиций в Восточный Туркестан были и этнолингвистические. Две из них совершил С. Е. Малов (1880—1957): в 1909—1911 и в 1913—1915 гг. В то время этот в дальнейшем известный ученый-тюрколог лишь готовился написать диссертацию, и его направили в регион для сбора диссертационных материалов по живым тюркским языкам и диалектам. Обе его экспедиции оказались очень успешными в аспекте пополнения фондов Азиатского музея. Тибетская эпиграфика на дереве и староуйгурские рукописи, привезенные им, составляют ныне весьма ценную часть коллекций ИВР РАН.

В 1899 г. на Международном конгрессе востоковедов в Риме В. В. Радлов выступил с сенсационным докладом о находках в Восточном Туркестане. Результатом его выступления стало учреждение в большинстве стран Европы специальных комитетов по археологическому обследованию этого ключевого субрегиона Центральной Азии, сулящего значительные открытия. Участники конгресса приняли решение о создании «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Ведущим подразделением этой организации стал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, учрежденный тремя годами позже. Это произошло следующим образом: на XIII съезде востоковедов в Гамбурге был рассмотрен проект устава Союза, подготовленный русскими учеными, съезд утвердил устав и поручил В. В. Радлову и С. Ф. Ольденбургу образовать Русский комитет. В уставную компетенцию Русского комитета входили магистральные прерогативы:

а) Всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных, в соответствующих странах.

б) Путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изуче-

⁴ Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. — 1900, вып. 1. — С. 36.

нию и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях и, таким образом, спасены для науки...

г) Наметить планы совместного исследования и обсуждения общих научных вопросов, касающихся всей совокупности народов соответствующих стран.

д) Облегчить всем ученым, без различия национальности, участие в предстоящей научной работе в районе действия комитета»⁵.

Комитету было предоставлено право устраивать экспедиции и издавать бюллетень на французском языке. В первый состав бюро Комитета вошли В. В. Радлов, В. А. Жуковский, В. В. Бартольд и Л. Я. Штернберг.

С. Ф. Ольденбург смог выехать в Восточный Туркестан только в 1909–1910 гг. К этому времени там уже по нескольку раз успели побывать экспедиции ученых западноевропейских стран и Японии. Они действовали в Восточном Туркестане как экспроприаторы культурных ценностей: вывезли оттуда рукописи, скульптуру и даже целые фрески, наспех и грубо снятые со стен храмов и монастырей. Былые международные соглашения были как бы позабыты: зарубежные коллеги фактически обманули С. Ф. Ольденбурга и не оставили ему ни одного нетронутого памятника.

Экспедиция российского академика организовывалась на средства Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии и проходила по следующему маршруту: Карашар, Турфан, Карашар, Курля, Куча, Бай, Аксу, Уч-Турфан, Калпын, Маралбаши, Кашгар⁶. Коллекция собранных ею манускриптов была незначительна — около 20 фрагментов санскритских рукописей письмом брахми и столько же древнеуйгурских.

По возвращении С. Ф. Ольденбург доложил о приобретенных им во время экспедиции старопечатных изданиях, рукописях, памятниках искусства и этнографии на заседании Русского комитета

⁵ Ольденбург С. Ф. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Журнал Министерства народного просвещения, 1903. — Ч. 349, № 9, отд. IV. — С. 45.

⁶ Протоколы Русского комитета. 1910. № 4 от 2.X. § 38.

для изучения Средней и Восточной Азии (2 октября 1910 г.). Описание уйгурских рукописей опубликовал С. Е. Малов⁷. Экспедицией были также привезены 88 мусульманских рукописей.

Ольденбург написал две работы, посвященные путешествию 1909–1910 гг.: «Разведочная Археологическая Экспедиция в Китайский Туркестан в 1909–1910 гг.» и «Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг., снаряженная по высочайшему повелению состоящим под Выс. Его И. В. покров. Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии».

Но еще до своей первой экспедиции ученый провел огромную работу по описанию, дешифровке и введению в научный оборот тех рукописей, которые были доставлены из Восточного Туркестана другими русскими экспедициями и присланы Н. Ф. Петровским.

Поскольку рукописи, добытые учеными Англии, Франции и Германии, представляли собой тексты, зафиксированные теми же видами письма, и на тех же языках, что и уже имевшиеся в распоряжении Ольденбурга, международное научное сообщество снова объединилось для решения задач по расшифровке письменностей и по определению языков. Лучшие научные силы Европы и России — индологи, иранисты, тибетологи, китаисты, тюркологи — были привлечены к этой работе. Из русских ученых в определении письменностей и языков приняли участие, наряду с С. Ф. Ольденбургом, Н. Д. Миронов, А. фон Сталь-Гольштейн. В различные годы к ней подключались П. Пеллио, Э. Шаванн, Л. де ла Валле-Пуссен, М. Сенар, Х. Людерс, Ф. В. Томас, Р. Хёрнле, С. Леви, Х. Масперо, С. Конов, А. Х. Франке, Х. В. Бэйли, В. Б. Хеннинг и др.

С. Ф. Ольденбургу принадлежит первая в мире публикация одного листа рукописи, присланной в конце 1880-х гг. из Кашгара Н. Ф. Петровским⁸. Письмо рукописи определено С. Ф. Ольденбургом как наклонное брахми. Этот вариант брахми прежде науке

⁷ Малов С. Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. — Л.: 1932.

⁸ Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского // Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. — 1982, т. VII. С. 81–82.

не был известен. В Индии были найдены небольшие фрагменты рукописей, написанных индийским брахми. В Центральной Азии индийское брахми оказалось приспособленным для местных языков и дало две разновидности: вертикальное центральноазиатское брахми, рукописи которого были найдены в Кашгаре и Хотане, и наклонное центральноазиатское брахми, очевидно распространенное в северных оазисах — в Турфане и в Куче. С. Ф. Ольденбургу удалось прочесть рукопись и установить, что она написана не на санскрите, а на неизвестном до тех пор языке. В период 1892–1893 гг. от Н. Ф. Петровского были получены свыше 100 листов и фрагментов рукописей, происходивших из Кучи, Курля, Аксу. Среди них — бумажные листы и рукописи на бересте и коже. С. Ф. Ольденбург отдал материал рукописей на химический анализ (был установлен состав бумаги, в основном из китайской шелковицы и других местных кустарниковых пород), описана характерная форма рукописей — индийская потхи. В 1893–1903 гг. С. Ф. Ольденбург непрерывно публиковал в ЗВОРАО полученные от Н. Ф. Петровского рукописи.

Ко второй экспедиции, которая была осуществлена в 1914–1915 гг., С. Ф. Ольденбург готовился уже по-другому. Он наметил себе один определенный памятник, который к тому времени был хорошо известен по литературным источникам и обследован европейскими экспедициями, — пещеры Могао, получившие в научных исследованиях название «Пещер тысячи будд» (кит. Цяньфодун; в дневниках С. Ф. Ольденбурга — Чан-фо-дун).

Монастырь располагался в уезде Дуньхуан провинции Ганьсу. О целях экспедиции ученый сообщал в докладной записке, которая ныне хранится в Архиве РАН, следующее: «Найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства Китая и Китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики различных стилей этого искусства»⁹.

В отличие от своих западноевропейских, в частности, германских коллег-археологов, стремившихся к вывозу азиатских культурных ценностей в «цивилизованный мир» и в этих целях варварски разру-

⁹ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 188.

шавших целостность исторических памятников, С. Ф. Ольденбург выдвинул новый — культуросберегающий принцип востоковедной археологии. Его метод экспедиционной работы состоял в том, чтобы не производить никаких разрушений на обследуемом объекте — не выламывать фрагменты стен, не снимать росписи и не изымать скульптуру с целью вывоза, а ограничиваться фотографированием, зарисовками, калькированием, словесным описанием и сбором того, что само обвалилось от ветхости или было разрушено предыдущими экспедициями.

В состав второй экспедиции Ольденбурга входили первоклассный фотограф и художник С. М. Дудин, мастер документального рисунка В. С. Бикенберг, топограф Н. А. Смирнов, этнограф Б. Ф. Ромберг.

Об этой экспедиции, как и о первом путешествии С. Ф. Ольденбурга, в научной литературе известно немного. Сам ученый опубликовал всего три небольшие статьи¹⁰. Две статьи по частным вопросам написал С. М. Дудин. А дневники экспедиции и описания пещер так и остались неопубликованными. По материалам, хранящимся в Государственном Эрмитаже, две небольшие публикации подготовила Н. В. Дьяконова: одна посвящена текстилям из Дуньхуана, другая представляет собой общий обзор единиц хранения¹¹.

Иной раз кажется, будто рок довлел над всем, что связано с этой экспедицией: даже ее описания, сделанные учеными в 1950-х гг., увидели свет только в 1993 г. Укажем два из них — статью П. Е. Скачкова «Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.» и дополняющую и уточняющую ее работу Л. Н. Меньшикова «К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг.»¹².

¹⁰ Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. Он же, Пещеры тысячи будд // Восток. 1922. № 1. Он же, Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1.

¹¹ Дьяконова Н. В. Буддийские памятники Дуньхуана // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 4, 1947, с. 445–470.

¹² Обе статьи опубликованы в № 4 альманаха «Петербургское востоковедение» за 1993 г.

О маршруте экспедиции и ее конкретных задачах П. Е. Скачков сообщал следующее: «Предполагалось составить общий точный план пещер, планы пещер по этажам, разрезы, фасады, произвести фотографирование объектов, снять копии с наиболее важных вещей и по заранее определенной программе произвести возможно более детальное описание пещер. Маршрут экспедиции был: Чугучак — Гучэн — Урумчи — Аньси — Хами — Цяньфодун (то есть «Пещеры тысячи будд» в Дуньхуане) и обратно, минуя Дуньхуан, через Хунлююань на Хами»¹³.

Экспедиция выехала из Санкт-Петербурга 20 мая 1914 г. и прибыла 15 августа в «Чан-фо-дун» (Цяньфодун). Три месяца ушло на описание пещер. С. Ф. Ольденбург решил не присваивать им новой нумерации, а придерживаться той, которая была обозначена на плане П. Пеллио, составленном в 1908 г.¹⁴ Три пещеры, открытые после посещения Дуньхуана П. Пеллио, были обозначены как А, В и С.

После составления описания началось детальное обследование стенных росписей: фотографирование, зарисовка и калькирование¹⁵. Во время расчистки наслоений грунта на дне пещер обнаружили фрагменты фресок, обрушившихся от ветхости, обломки скульптуры и фрагменты древних рукописей. Все это было тщательно собрано, упаковано и доставлено в Санкт-Петербург. Отдельные листы манускриптов и около 200 свитков были куплены у местного населения¹⁶. О находках рукописей сохранились записи С. Ф. Ольденбурга.

После очистки и реставрации находок выяснилось, что в распоряжении русских ученых оказалось около 12 тыс. китайских манускриптов V—XI вв. В коллекции ИВР РАН насчитывается ныне 386 цельных свитков. Их частичное изучение предпринималось в 1920-х гг., однако систематическая работа началась

¹³ Скачков П. Е. Русская Туркестанская экспедиция // Петербургское востоковедение. СПб.: 1993, № 4. — С. 315.

¹⁴ Pelliot P. Les grottes de Touen-Houang. 6 Vols. — Paris: 1920–1924.

¹⁵ СПбФ А РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 172, лл. 97–98.

¹⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 32, оп. 2, ед. хр. 24.

в этом направлении лишь с 1957 г. Группа под руководством Л. Н. Меньшикова подготовила два выпуска издания «Описание рукописей из Дуньхуана»¹⁷. В составленном Л. И. Чугуевским и Л. Н. Меньшиковым списке работ по исследованию материалов из Дуньхуана, привезенных экспедицией С. Ф. Ольденбурга, насчитывалось в 1993 г. 130 названий¹⁸.

Экспедиция продолжалась лишь до января 1915 г. — работы пришлось свернуть ввиду событий Первой мировой войны. Военная обстановка воспрепятствовала изданию материалов экспедиции. После Октябрьской революции, в 1917 г., перед Академией наук встали иные задачи, и новая научно-реорганизационная деятельность отвлекла С. Ф. Ольденбурга от работы над публикацией материалов экспедиции.

Ученые многих стран ожидали выхода в свет этих материалов. С. Ф. Ольденбургу неоднократно предлагалось опубликовать их за рубежом, но он отказывался, надеясь сохранить этот приоритет за Россией.

Ныне очевидно, что если бы материалы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, к которой ученый готовился два десятка лет, были опубликованы своевременно, они сделались бы не меньшей международной научной сенсацией, чем «Ancient Khotan» или «Innermost Asia» А. Стейна.

Первую часть этих материалов образуют памятники материальной культуры и буддийского искусства, хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже: фрагменты стенных росписей и скульптуры, ткани, предметы буддийского культа. Они отреставрированы и частично восстановлены. П. Пеллио, работавший в Дуньхуане и хорошо осведомленный об исходном состоянии археологических артефактов, был поражен их сохранностью во время своего посещения Эрмитажа. В Архиве Эрмитажа имеются путевые дневники С. Ф. Ольденбурга, С. М. Дудина, Б. Ф. Ромберга, Д. А. Смир-

¹⁷ Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. — М.: 1963. Вып. 2. — М.: 1967.

¹⁸ Меньшиков Л. Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. — СПб.: 1993, № 4.

нова. Там же хранятся около 2000 фотографий, негативов, рисунков и т. д.

Описания пещер, составленные С. Ф. Ольденбургом, сделаны по точной схеме. Статуи и фрески, расположенные в разных частях пещер — при входе, на потолке, на стенах (справа и слева от входа), в нишах, обозначены цифрами и буквами. Единство обозначений соблюдено при описании каждой пещеры. Сделаны первичные заключения относительно хронологии материалов. Подчеркнем, что эти описания воссоздают именно тот вид пещер, который они имели в период их обследования.

Вторая часть материалов объединяет в своем составе цельные манускрипты и фрагменты рукописей, хранящиеся в ИВР РАН. Большинство из них отреставрировано.

В 1938 г. Президиум АН СССР специально выделил средства на подготовку материалов экспедиции Ольденбурга к печати. Работой руководил академик Ф. И. Щербатской (1866–1942). Под его руководством вдова Ольденбурга — Елена Григорьевна — подготовила факсимиле описания пещер к машинописному набору. Неясные места записей были расшифрованы О. А. Крауш, планы и рисунки скопировал для полиграфической работы художник М. С. Халтурин. Были готовы в машинописи и проверены 834 листа. Но начавшаяся Великая Отечественная война и смерть Е. Г. Ольденбург помешали довести начатое дело до издания.

В настоящее время произведения изобразительного искусства из Дуньхуана опубликованы в виде альбома репродукций в КНР, в шанхайском издательстве «Древняя книга». Там же изданы дневники экспедиции. Руководили работой российские ученые М. Пчелина и Л. Н. Меньшиков.

Китайские и тангутские рукописи, отреставрированные и хранящиеся в ИВР РАН, вышли в свет под редакцией Л. Н. Меньшикова в виде альбомов большого формата в том же издательстве «Древняя книга».

М. И. Воробьева-Десятовская
Великие открытия русских ученых
в Центральной Азии

Издательство А. Голода
199226, Санкт-Петербург, Новосмоленская наб., 6-131
Тел.: +7 (981) 847-09-71, (812) 940-63-96
E-mail: martinfo@rambler.ru
www.sesame.spb.ru

Отпечатано в ООО «Типография С-ПРИНТ»,
Санкт-Петербург, ул. Обручевых, 7.
Подписано к печати 27.01.2011. Гарнитура AcademyC.
Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Объем 15,5 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.